

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава XI

~В эпоха, давно ушедшая из памяти, за исключением нескольких фрагментарных исторических записей.

Угасающие воспоминания об Ангелах... Было время, когда Эльджо едва ли были исключительной породой и не были подвержены разрушительному воздействию солнечного света. Когда мир был... В юном возрасте их было так же много, как травы некогда раскинувшихся зеленых полей Эдема; и они бродили по открытому небу, не встречая света дня. И все же, как правило времени года, как каждое рассветное небо сменяется завесой звезд, так и... И некогда сияющие дни Эльджо канули во тьму.

Увы, несмотря на неизбежные катастрофические события в истории, эльджо были обречены на уничтожение, пусть даже лишь в силу материнской связи, поскольку они пали вместе со своей Матерью — покинутым и осужденным Ангелом Люцифаилом. Это действительно произошло; и смутные свидетельства таких событий были разбросаны по немногочисленным апокрифическим томам, древним свиткам и глиняным цилиндрам, которые раскрывали короткий период до сотворения Ада — разрозненное и непревзойденное время Стражей и Григори — Нефилимов . и Гибборимы — Эльо и Элиуд, а также всевозможные великаны и гротески самых разных форм. Краткое и распространенное описание этой древней эпохи раскрывает лишь малую часть коллективной памяти о тех самых ранних днях, когда по земле бродили великаны:

В начале Бог сотворил бесформенную пустоту и назвал её Хаосом.

Из хаоса Он призвал Ангелов, которые были Сынами и Дочерьми Божьими. Он увидел Их, как Они были в Его славе; и Он Назвали Свой образ Эросом. Вместе со Своими главными и избранными Ангелами Свет, Аполлон и Утренняя звезда, Он отделил тьму от дня и ночи. даровав им имена Эреб, Никс и Гемера. И в небесном сиянии ангела Аполлона Он сотворил день; в земном сиянии ангела Утренней звезды Он сотворил ночь, и Бог побудил ангела Гермеса призвать... шлем ангела Геи и создал землю. Из чрева Он призвал щит ангела Урана и покрыл землю.

Земля наполнилась эликсиром жизни. И когда Он засеял землю, Внутри и снаружи, водами Урана, Он призвал меч

Ангел Эфир низверг небесное сияние посреди вод. Разделяя небеса и моря; воздавая почести ангелам Океану и Тетису.

Стражи Вод. И так оно и было.

~*~

И под небесами Господь возвысил третью часть мира. горы и долины, разделяющие сушу и море и покрывающие весь мир. с множеством царств, созданных из Его ангелов Бестимедея, Гоминедей, Артемида, Дионис и Деметра — эти многочисленные царства растений, рыб, птиц, зверей и человека; Его земной сад, Прекрасно сотворено. И когда Он разделил тьму и свет, и землю от моря, и небо, и Он разделил Своих Ангелов, призвав третью их часть, чтобы сойди на землю и стань ее хранителем.

~*~

И Бог благословил Своих земных ангелов, которые составляли третью часть Небесные Ангелы, и Он назвал этих божественных хранителей Григориями и Стражи мира. И Бог повелел им выйти.

и миру людей и животных, и плодитесь и размножайтесь.

Они сами среди Его творения. И Господь явил Свою волю.

требуйте, говоря им так: чтобы они могли приобщиться ко всему Его Сотворение, но от плода и семени человека и зверя, этот плод есть строго запрещено. И Он дал Григориям и Стражам власть.

владычествовать над землей и покорять ее; и стало так.

~*~

Как и было написано, на земле действительно были Великаны — те самые Ангелы, которых они называли Стражами, вместе со своими ближайшими детьми-Титанами и их дальнейшими гротескными потомками. Они открыто бродили среди людей, и люди воздвигли в их честь святилища и храмы, поклоняясь им как божественным. Однако из глубин Тьмы, пережившей первые дни Творения, задолго до того, как сами Пандоры обнаружили Дамонов, появились три эфирных и бестелесных Дамона, представлявшие собой неразрывную триаду опустошения — и божественное значение их имен было: Судьба, Рок и Смерть. Как единое целое, эти три Дамона опустили на Эдем подобно неизмеримому и оскверненному туману. Как три слившиеся чумы, составлявшие единое облако тления, они прокатились по земле и омрачили сердца и умы как людей, так и ангелов. В этом тройственном присутствии Дамонов почти все Стражи поддались искушению и возжелали Божьего Творения. Как Сыны Божьи видели неприукрашенную красоту в дочерях человеческих, так и одна из Дочерей Божьих, которую звали Люцифаил, увидела её. Она была покорена и развращена этими первородными Дамонами из темного тумана, и ее запечатанные глаза тщеславия и похоти открылись обнаженному великолепию человека. Так она взяла себе множество мужей из их среды, вступила с ними в половую связь и рождала сто детей от разврата каждый вечер.

Земные Ангелы — Стражи Мира — бежали со своими Жёнами и Мужьями от Лица Господа, спрятавшись под горами и заключив между собой договор: хранить в тайне свои злые дела и претендовать на полный контроль над миром, как внутренним, так и внешним. И из этого коварного договора — из этого преднамеренного и кощунственного смешения Ангела и Человека — возникли могущественные и отвратительные существа, которые не были задуманы Богом в первые дни Его Творения. Этими нечестивыми смертными замыслами были Нефилимы и Гибборимы, Титаны и Циклопы; Гекатонхейры и Горгоны; Драконы и Виверны, Сирены и Ламии, смертные Суккубы и Инкубы, Элиуды и Эльо, Химеры и многоголовые, много-

Глазастые создания суши, моря и воздуха — всевозможные нечестивые мерзости, которые в конечном итоге переживут историю лишь как мириады удивительных призраков в легендах и преданиях. Все они были непохожи друг на друга, за исключением своего противоестественного существования — совместного оскорбления Первоначального и Священного Замысла. И все эти противоестественные мерзости были известны под общим названием: Дамоны. В те ранние дни Дамонов было много великанов. Стыд, мрак и молчание предательства наконец окутали Эдем, погасив тем самым невинность Божьего творения.

Среди всех Наблюдателей Мира непревзойденная красота принадлежит одному конкретному Наблюдателю. Она сияла ярче всех Ангелов — как Небесных, так и Земных — и Небеса и Земля знали значение Её многочисленных величественных имён, таких как Хейлель Света, Лилит Садов и Утренняя Звезда Небес, и ещё бесчисленных других. Однако смирение Ей не было свойственно, поскольку Она была гордым Ангелом, запрещавшим Человеку воздвигать храмы или алтари в Её подобию, чтобы не умалять Её самопровозглашённое великолепие низшими образами. Как неблагоприятный плод Ангелов Эреба и Геи, Она действительно была семенем обиды. Земля и крошечная тьма явились во всей своей красе, так что даже дневной свет померк в Её присутствии. Дети человеческие могли лишь осмелиться прошептать имя этого прекрасного земного Ангела.

«Люцифаэль», — так называл Её человек, призывая Её в тайне и во снах, и Она явилась мужчинам, чтобы погасить пламя их желания к ней, и эти мужчины породили Её детей в тысячу, тысячу раз. Эти крылатые дети были Эльджо, которые бродили по земле. Небеса были беспрепятственными. Все вместе Эльджо взмыли в небо, словно огромные облака ярких птиц, взмывая в небо; и в полете их огромное количество отбрасывало блуждающие тени на лицо Земли. Человек взглянул на Эльджо, многочисленных детей Люцифаэля и ей подобных, и нашел их чудесными. Тем не менее, это были последние дни земных Ангелов, поскольку три язвы Тьмы поразили сердца как Ангелов, так и Человеков. Судьба, Рок и Смерть требовали аудиенции у каждого из Него.

Многие из земных Стражей и их смертные жены и мужья скрывались глубоко под горами, в то время как многие из их гротескных и звероподобных потомков господствовали в открытом небе и морях, что побудило Трон послать Ангела Рафаила, чтобы тот стал свидетелем Его заботы. Таким образом, Рафаил сошел с Небес в образе Духа Человека и противостоял тем немногим неиспорченным Стражам, которые не поддались земным искушениям. Это были верные легионы: Михаила из Ордена, Габриэля из Раздела, Азраил Пути, Саракаил Духа, Уриэль, Ремиэль, Тадхиэль и верховные духи бесчисленных священных сословий. И Михаил открыл Рафаилу всё, что Он видел.

Михаил просветил Рафаила относительно большей части Стражей, сынов и дочерей Божьих, которые взяли себе в жены сынов и дочерей человеческих. и мужей, родивших множество могучих детей, которым суждено было унаследовать землю. Майкл рассказал о договоре, заключенном развращенными Наблюдателями на горе Харемель. Прежде чем исчезнуть в долинах Дудаэля и Урха, Михаил особо говорил об их численности, ибо их было много. Михаил открыл Рафаилу имена тех, кто называл себя Вождями Десяти. Это были коварные легионы Ангелов Семьязы, Иезекииля, Самаэля Меча, Люцифаэля Света, Цербера и Гидры Врат, Азазеля Судьбы, Прометея Огня, Гермеса Слова, Кисдея, Мачета, Атласа, Аракиэля и тысяч, тысяч земных Дамонов, служивших им.

Рафаэль узнал, что Стражи, оставившие Голос Божий и присвоившие себе землю, с тех пор убили множество Ангелов, противостоявших им. Рафаэль также узнал об их многочисленных деяниях, связанных с нечестивым обольщением и порабощением человека. В частности, ему было рассказано о том, как Семьяза, Самаэль и Азазель бросали жребий за дочерей человеческих, беря у них множество жен, в то время как Люцифаил выбирал себе мужей из числа сынов человеческих. Рафаэль также узнал, что человек никогда не присягал на верность Вождям Десяти или их кощунственному договору; тем не менее, человек не мог противостоять воле этих Ангелов, которые искушали Его и пугали угрозой заточить Его под горами.

Когда Рафаил стал свидетелем всего происходящего на земле и, вернувшись на Небеса со всем, что узнал, Господь повелел очистить землю от всякого зла, осквернявшего её облик. Вследствие этого гнев Престола обрушился на мир множеством противоречивых способов, и, поскольку Господь увидел, что многие мятежные Стражи изменили облик творения, Он также изменил силу, положение и власть Своих непорочных и оставшихся Ангелов, так что они казались совершенно обособленными, хотя и были прочно связаны как одно целое в Духе.

Господь даровал Своим верным Ангелам Меч Разделения и Щит Порядка, первый — от Гавриила, а второй — от Михаила. Он также даровал им Крылья Перехода Азраила и Шлем Саракаила, тем самым сделав всех Своих преданных Ангелов готовые к войне, как и все остальные. На время, отведённое Богом, Его почтенные Сыны и Дочери Божьи стали неотличимыми и несокрушимыми воинами. И из всех этих несокрушимых легионов Ангелов, призванных к Престолу, Господь назвал Хаосом и дал им Порядок, подобный Своему собственному — вместе их ряды стали Орденом Престола.

Таким образом, под покровительством Престола Божьего, вооруженные Ангелы собрались вместе.

против своих земных братьев и сестер.

Увы, с запечатленными на века событиями, навсегда застывшими в древнейших табличках и фолиантах Времени, так началась ужасная и божественная сага, ознаменовавшая начало Тысячелетней войны и Великого Ангельского Раскола. Земля страдала. Его безупречные сады были тщательно очищены и погребены под рядами рабства и греха, смирения и гордыни, непоколебимой преданности Богу и Ангелам. В течение времени, которое человек измерял ползучими веками тьмы, Ангелы стали свидетелями блестящего и определяющего момента. Все певчие птицы Эдема замолчали, растоптанные в небытие под невыносимыми криками волн враждующих Ангелов.

В этот беспокойный период творения, когда земная кора рассыпалась под ногами и ничто не смело расти или приносить плоды, кроме горьких сорняков и семян ангельского разрушения, человек покинул свой дом и бежал на четыре конца света. Он преодолел пустыни, океаны, горы и все негостеприимные климаты, ища самые отдаленные и нетронутые уголки земли, чтобы спастись от тех, кто хоть как-то напоминал ангела. Он скрывался на самом краю земли тысячу лет.

Дух Господень сошел на землю как Меч Мести, и Он снова действовал через Ангела Гермеса. Он призвал второго свидетеля, который не был ни Рафаилом, ни каким-либо другим Ангелом на небесах или на земле. Вместо этого Он призвал смиренного и верного книжника, чтобы тот ходил в Его Духе и записывал все, что ему открывалось. Так, через Гермеса Он призвал простого смертного, юного сына Мафусаила; и старейшины колен Мафусаила назвали этого юного книжника «Сыном Мафусаила, который двигался в духах», — и Он назвал его Енохом.

Дух Господень привёл Еноха на гору Харемель, эту проклятую гору, где вожди Десяти принесли клятву Богу и возвели себя в ранг богов человеческих; и Голос Господень повелел Еноху переписать на цилиндрах все что Он видел. Енох повиновался Слову Божьему и вел записи для потомков. На вершине Харемеля во времена Своих записей Енох значительно постарел от того, что увидел в глазах Духа; тем не менее, движимый Духом и Словом, Он все же записал то, что Бог позволил Ему увидеть. Его записи начались с крови — с решающей войны Стражей. Дух Господа оставил Еноха на вершине горы и сошел на землю как Меч Мести. Тысячи, тысячи легионов Ангелов собрались за Мечом, который искал Вождей Десяти. И Меч нашел их и наказал, пока Енох все это записывал.

Тотчас земля зазвонила, словно удар гонга, израненная величайшим сражением в истории Творения. Ручьи и реки окрасились в красный цвет от крови; чума и эпидемии распространялись подобно огненным бурям; целые леса разлетелись на щепки; горы рухнули, а долины были переполнены гниющими останками тысяч легионов. Волны ангелов и сталкивающихся титанов представляли собой бушующую лавину разрушения. Воздух был наполнен всевозможными пронзительными криками, клубами пыли, грохотом, горящим пеплом и ужасающими воплями, способными оглушить и задушить небеса. И когда Небеса затаили дыхание, а их ангелы отвели взгляд стыда от мира, который содрогался и стонал под ними, даже Престол Божий, казалось, висел на волоске в результате самого нечестивого восстания. В этот решающий день неизмеримого опустошения достаточное количество погибших чудовищ сравнялось с половиной всех звёзд на небе.

Гнев Божий поглотил рвение непокорных Стражей, и Слово Господне разнеслось по всем океанам. Бог повелел ангелам Гее и Эребу отвести самые глубокие части земли и воды под ней для ангелов, согрешивших против Него, и Господь потребовал, чтобы каждый непокорный ангел понес ту же участь, которой они напугали человека, — быть навсегда запечатанным под горами. Поэтому случилось так, что в первом свете того дня божественного расчёта Бог возвестил рассвет проклятия — родился ад.

Клинок Господень проклял и осудил мятежных ангелов, не погибших от меча, и проклял их в равной степени. Вместо прежней красоты их лица, как внутренние, так и внешние, приобрели звериную уродливость, ибо они стали мерзостью в глазах Бога. Господь низверг их в лоно земли, в царство мрака и невообразимых ужасов, как это было предопределено Геей и Эребом. И назвал Он это царство, в которое изгнал их, землей Тартар, царством ада, забвения, смерти, гибели и ада. Затем Он поставил Великую Печать над этим царством и его падшими Стражами, чтобы она действовала до тех пор, пока эти нечестивые и богохульные Ангелы не предстанут перед Престолом на суд. Эта Великая Печать состояла из трех Вратных Камней, высеченных Мечом Господним. Эти Вратные Камни двигались подобно точному, но необъяснимому трио взаимосвязанных барабанов, которые в совокупности материально отделяли подземный мир и Великую Бездну Стражей от высших сфер Человека — и Небес.

И даже когда Сыны и Дочери Человеческие возлагают вину на Сынов и Дочерей Бог Господь не простил грехов человека и Его тесной связи с ангелами. За Его прегрешение — за Его блуд с легионами Вождей Десяти и Его

Господь, будучи сознательно причастен к сокрытию таких злых деяний, наложил четыре непреходящих печати наказания на голову, сердце, тело и глаза. На голову Он наложил наказание в виде знания, так что Он стал достаточно мудрым, чтобы осознать позор Своей безрассудной природы. В Свое сердце Он вложил отражения беспокойства, так что Его душа извивалась и страдала от каждого искушения, представшего перед Ним. В Свое тело Он вложил бремя и муки рождения и смерти, так что Он прожил лишь короткое время, прежде чем предать Свою плоть праху земному. В Свои глаза Он вложил Свет мира, так что они ослепли для Лица Божьего и Его Небесных Ангелов. И даже когда Человек падал на колени в стыде и молитве, Бог создал Его по этому об

Только по благодати гнев Господней не поглотил человека так полно, как это сделали предательские Стражи; однако Бог позволил человеку унаследовать ту же самую проклятую участь, если бы Он того пожелал. В Его укороченной жизни, полной обещанного искупления, Небеса перестали быть даром, а стали раем, обретенным благодаря Его прощению грехов. И каждым Своим действием, намерением или словом Он единолично управлял Своей судьбой. Он сам сделал свой выбор: либо провести вечность в Царстве Небесном, Порядке и Спасении, либо принять Царство Тартара, Хаоса и Проклятия. В качестве доказательства того, что Бог часто действовал неизмеримыми и загадочными путями, Он не полностью отделил Человека от Ангела — возможно, Его прежний гнев не перевесил Его неустанную любовь к Своим сыновьям и дочерям и сыновьям и дочерям человеческим. Он позволил каждому продолжать общение с другим, пусть даже только в уме и духе.

Человек продолжал возводить божественные храмы в честь этих падших Ангелов, регулярно призывая их духов за советом, подношениями и помощью. И хотя эти изгнанные Ангелы были сосланы в бескрайний подземный мир Тартара и Аида, навсегда озлобленные на Бога и Его Небесных Ангелов, они часто являлись Человеку в облике своей прежней и знакомой красоты, просвещая его многими неприкрытыми истинами Творения — астрологией, огня, металлов, облаков, заклинаний, камней, зверей, рек и океанов, и даже тайнами, некогда тщательно охраняемыми Небесами.

Однако одна падшая Стражница, в частности, озлобленная утраченной красотой и прежней свободой разврата и декаданса, пережила эпоху глубочайшей тьмы и абсолютного затворничества; скрывая свою уродливость в самых дальних уголках Тартара и зарываясь в самые безлюдные места, где извилистая земля росла сплошными рощами черных и причудливых форм, а воды кипели лужами грязи и дышащей жижей. За зоны добровольного изгнания даже самые пронизательные Ангелы Аида забыли некогда печально известные имена Хейлел и Утренней Звезды. В избранном Люцифаэлем месте

В изоляции, в разложении, она побледнела, и ее сердце все больше возмущалось предательством человека. Под этой бурлящей трясинной негодования ее непрекращающаяся угрюмость переросла в неутолимую одержимость развратить самую сущность человека, чтобы он оставил Бога и Небеса и в конце концов разделил ту же проклятую участь, что и она. В тьме своих вечных заточений она превратилась в самого Дьявола, и этот развращенный и падший Ангел Света стал зловещей и ненасытной Королевой Инкубов — чувственным и вечно крадущимся духом, который прокладывает себе путь сквозь священные сны смертных, питаясь их душами.

После Великого Потопа, когда плоть и телесные формы Ангелов были изгнаны с лица земли, лишь последующие поколения Человека остались единственными смертными хранителями зверей, птиц и полей. Времена года сменялись, словно беспокойные мухи — горы и долины поднимались и опускались; реки текли и разливались на протяжении веков Его вечно колышущегося мира, пока однажды тихим утром, обрабатывая Свои сады, Человек не наткнулся на зарытую печать в самом сердце Азии. Считая эту тяжелую, испещренную надпись божественного происхождения, Он очистил кору Времени и поместил ее в святилище, построив на ней храм. Более полутысячелетия Он лелеял этот выгравированный артефакт, поклоняясь ему открыто, как золотому тельцу, и тайно охраняя его с той же настороженностью, с какой вор охраняет украденную добычу. Он построил свою жизнь вокруг этого — до самого рокового дня, когда человек стал одновременно достаточно мудрым, чтобы открыть врата, и достаточно глупым, чтобы рискнуть подвергнуться такой казни.

Реймс, Франция ~ Замок Блази ~ апрель 1348 г.

«Ты не мальчик, ты молодой человек. Прекрати играть с этим и посмотри вверх!» Блази наконец вытащил маленького белого коня из неуклюжих пальчиков мальчика и бросил фарфоровую фигурку в свой карман, после чего подтолкнул юношу к высоким деревянным воротам. «Теперь открой их. Она тебя за это не обидит».

«Оно выйдет, да?» — нервно спросил мальчик.

«Она придёт — только чтобы узнать своё место. А теперь возьми себя в руки». Блази постучал тростью по ягодицам мальчика, подгоняя его вперёд.

«Но я не могу», — простонал мальчик, отступая на шаг от трости.

Блази фыркнул. «А что тебя удерживает?»

«Оно вылетит из ворот, дядя Франсуа! Я знаю. Вылетит!»

Блази вздохнул. Он взмахнул тростью перед собой, воткнул ее в землю, а затем сложил руки чашечкой. Он держал обе руки на позолоченной ручке. Он наклонился вперед и взгляделся в глаза беспокойному ребенку. Легкий ветерок пронесся по конюшне, развевая слишком большую рубашку Блази.

Словно разворачивающийся занавес. Его свободные брюки низко висели на бедрах и были коротко обрезаны до колена. Обнажились похожие на мумийные бинты, туго обвивавшие его бедра и спускавшиеся по спирали до самых ступней. На бинтах виднелись случайные пятна — багровые следы от...

Упрямые язвы начали кровоточить. Блази прищурился, подбирая слова: «Прямо сейчас я хочу, чтобы ты рассказал мне, что чувствуешь, Майкл».

Мальчик опустил взгляд и отступил. «Испугался», — признался он.

«И как вы понимаете, что она чувствует?»

«Возможно, она рассердилась», — предположил мальчик. «Она злая, самое злое существо на свете!»

«Чепуха, — сплюнул кардинал. — Она лишь притворяется злой. На самом деле она заперта и напугана. Это единственный способ, которым она умеет выражать свой страх — притворяясь ужасной».

Мальчик резко поднял голову, нахмурившись, и в его глазах появился новый блеск. «Боишься? Чего?»
«мне?»

«Конечно, она боится! Но если ты боишься её так же сильно, как она боится тебя, то как же ты можешь...»

«Ты рассчитываешь на неё забраться?» — спросил мальчик, повернувшись и изучая искореженные доски двери стойла, размышляя о тихой и терпеливой силе, ожидающей освобождения. Блази продолжил: «Ты должен показать ей, что ты не боишься. Только тогда она перестанет тебя бояться». Блази направил на мальчика свою трость. «Майкл, ты должен сделать первый шаг. Возьмите её под свою опеку и дайте ей почувствовать себя частью вас — неотделимой, как конь от своего всадника. Только тогда она познает своё место. «Ты собираешь меня?» Майкл опустил плечи и пожаловался: «А что, если оно наступит на меня, потому что испугается?»

«Ничего подобного не случится», — прорычал Блази. «Пойдем!» — он, захромав, направился к стойлу.

Мальчик стоял неподвижно, протестуя: «Но дядя Франсуа!»

«Ничего! Ну, иди сюда!» Мальчик, дуюсь, подчинился, пока Блази проповедовал. «Ты же мне говорил!»

«Когда-то ты мечтал скакать, как ветер, да? Что ж, это особенный конь — с сильным духом. И ты хочешь скакать на нем, как твой отец, да — как рыцарь? И сразиться с англичанами?»

«Однако не на этом коне! Мама сказала, что с ним что-то не так — что у него что-то не в порядке». «Дикий и злой взгляд».

Блази резко развернулся. «Зло? Майкл, с ней ничего подобного нет. Твоя мать просто слишком чувствительна в таких вопросах, как это свойственно матерям. Пойдем». Он продолжил путь к задней части конюшни и приблизился к огромной куче рассыпанного сена, лежавшей на земляном полу. Мальчик следовал за ним с переменным колебанием. «Кроме того, с ней нет ничего настолько ужасного, что нельзя было бы исправить, укротив её дух. Она сослужит тебе хорошую службу, если ты справишься с её нынешней неконтролируемой тревогой. Сначала вы должны познакомиться». Блази остановился перед последним стойлом и постучал тростью.

«Прикоснитесь к защелке потрепанной двери стойла. А теперь откройте ворота и выведите ее, как любой добрый рыцарь вывел бы достойного коня».

Майкл выскользнул наружу, отпер защелку и поспешно спрятался рядом со своим дядей. Дверь со скрипом открылась и постепенно расширилась, явив взору огромную черную кобылу с высокой головой, повернутыми ушами и глазами, такими же белыми, как у жеребца. Животное фыркало и топало, кружась внутри стойла. Оно заржало копытом по пыли и рвануло вперед.

«Нет!» — Блази преградил ей путь к отступлению, высоко взмахнув тростью. «Всё равно! Спокойнее!» — заржала кобыла, беспокойно качая головой и отступая всё глубже в стойло.

Кардинал улыбнулся, его суровый взгляд устремился в глаза коня, которые, казалось, Завороженный взглядом старика, он прошептал: «Да, ты сможешь», — и опустил трость. Внезапно тон его голоса стал почти детским и одновременно зловецким.

«Видишь? Сначала ты должен дать ей понять, что ты её хозяин». На его лице появилась ухмылка.

«Она исключительная — словно ветер, поистине». Прошло мгновение, прежде чем священник откашлялся и собрался с мыслями. «Теперь, Михаил, я хочу, чтобы ты...» Он оторвал взгляд от коня и увидел Михаила, стоящего на значительном расстоянии от него, прижавшегося к столбу конюшни и дико смотрящего из-за него. Блази обернулся.

«Майкл! Вернись ко мне немедленно! Она не... Уф!» Блази подскочил на месте и, закрутившись, врезался в стог сена, когда конь пронесся мимо него. Освободившись от оков, зверь выскочил из конюшни и помчался по окрестностям. Блази застонал и замер, его свободная рубашка теперь лежала на голове.

Он слышал лишь пронзительный смех, когда Майкл с трудом выдавил: «Я же тебе говорил, дядя Франсуа! Так всегда бывает, когда открываешь ворота!»

«Довольно, Майкл!» Ошеломленный, но невинный, Блази выпрямился и снял рубашку через голову. Он отругал Майкла, выпрямляясь и вытаскивая солому из своего... волосы. «Если бы ты не убежал, этого могло бы и не случиться». Он огляделся. «Где моя трость?»

Мальчик подбежал к нему, хихикая. Он вытащил трость из стога сена и отдал это Блази. Быстрым жестом у конюшни он изложил логику, свойственную детству. «Дядя Франсуа, тебе следовало спрятаться за деревьями».

«Нет, Майкл. Если бы я не смотрел на тебя так пристально и не был вынужден повернуться к ней спиной...» Блази подпер трость и, застонав, попытался встать.

Затем он вздохнул и снова плюхнулся на сено. «Иди за своей матерью, сынок».

Вместо этого мальчик усмехнулся и нырнул в сено рядом с Блази. «Я знаю, почему она всегда злится». Блази лишь поджал губы и уставился на крышу конюшни. Мальчик полз по селу, как крадущийся тигр, приближаясь к уху Блази, прежде чем плюхнуться на землю и прошептать секрет сквозь сложенные ладони: «Потому что в ней живёт дьявол!»

Блази прищурился, глядя на Майкла. «Пустая болтовня; больше ни слова!»

Мальчик наклонил голову. «Почему?»

«Дьявол причиняет вред только людям, а не животным».

Майкл откатился в сторону и выдолбил в сене дыру, обнажив земляной пол. стабильно. Он засунул морду в нору и заговорил, его слова были приглушены внутри полости, когда он задавал Блази вопрос: «Если бы я был животным, то дьявол не смог бы причинить мне вреда?» «Ты не животное. Ты мальчик. А дьявол внушает мальчикам мысль, что они могут быть животными».

Майкл засунул руку глубже в яму и поскреб землю, прежде чем вытащить из углубления горсть пыли. Он перекинул ее через плечо, стряхнул пыль с ладоней и понюхал пальцы. «Я знаю, где дьявол, дядя Франсуа», — мальчик указал внутрь вырытого им углубления. «Он там, внизу — в том месте, которое я не могу назвать».

«Не говори ни слова», — ответил Блази, устраиваясь поудобнее в сене, заложив руки за голову и сцепив пальцы, продолжая смотреть в потолок.

«Да. И он там заключен в тюрьму, потому что Бог наказал его за плохое поведение. Как наказывают тех, кто поступает плохо, так и дьявола наказали за распространение зла среди людей».

Мальчик обдумал довольно элементарную аналогию Блази, прежде чем задать ему вопрос: «Но, дядя Франсуа, если пестинское зло — это зло, то как же дьявол смог его создать?»

«Что это может произойти? И почему Бог позволяет ему это?»

Блази усмехнулся. Это называется чума, Майкл — эпидемия. И дьявол не может... «Выпустите его из заточения».

«Тогда как ему это удалось?»

«Мы поговорим об этом, когда ты станешь старше, когда будешь достаточно осведомлен, чтобы обсуждать такие вещи».

Мальчик побрел рядом с ним. «Но я же старше, дядя Франсуа! Можешь мне сказать».

Блази сел и хлопнул мальчика по руке. «А пока знай, что ты должен любить Бога всем сердцем. Ты ведь любишь Бога, правда?»

«Я люблю Бога, а дьявола ненавижу!» — сказал Майкл. «И я знаю, что Бог творит добро, а дьявол — зло, что Бог добр, а дьявол зол. Видишь, я теперь стал больше!»

«Да, ты становишься таким... Добро — это Бог, а зло — это дьявол. Поэтому делай только добро». Блази погладил Майкла по голове и улыбнулся. «Твой отец гордился бы тобой».

Мальчик, ползком поднявшись на коленях, вытащил из стога сена длинную соломинку и покрутил ее в пальцах. «Дядя Франсуа, не могли бы вы научить меня молиться?»

Кардинал недоверчиво посмотрел на него. «Вы и так умеете молиться».

«Нет, я имею в виду, как вы молитесь — очень усердно — используя те другие слова, которые я не понимаю? Можете меня научить?»

Блази рассмеялся над наивным замечанием Майкла о латинской молитве. «Ну, я мог бы. А ты хочешь стать рыцарем и священником?»

«Если бы я помолился этими другими словами, тогда Бог действительно убил бы дьявола». Блази заметил блеск в расширяющихся глазах ребенка, когда продолжил: «Или, может быть, ты можешь попросить Бога убить его, ведь ты уже знаешь эти слова! Можешь ли ты помолиться об этом?»

Блази покачал головой и сжал челюсти. «Молитва так не работает, Майкл. Возможно, когда ты станешь старше...»

Мальчик бросил солому на пол и начал ковырять пальцы. Блази переключил внимание на ноги, похлопывая по окровавленным пятнам на бинтах. Блази почувствовал, как мальчик потянул его за рукав рубашки.

«Дядя Франсуа?»

"Да?"

«Почему Бог позволил дьяволу убить моего отца, дядю Жака и всех остальных?»

«Это была битва, Майкл, люди убивали людей. И все же, если хочешь, могу рассказать тебе секрет», — предложил он.

«Скажи мне! Что это?»

Блази положил руку на плечо мальчика. «Я молился за твоего отца и дядю Жака — и я использовал эти другие слова. А знаешь, что мне сказал Бог?»

"Что?"

«Он сказал мне, что они сейчас на небесах. Твой отец улыбается тебе сверху прямо сейчас, ожидая, когда ты присоединишься к нему, когда придёт твоё драгоценное время».

«Вы имеете в виду, когда я умру?»

Блази вздохнул. «Да, тогда».

Майкл фыркнул и отстранился. «Но я не хочу умирать. Тебя закапывают в землю с жуками, и потом кости отваливаются. Однажды я выкопал птицу, которую закопал, и от нее остались только кости, ни перьев, ни плоти».

Кардинал покачал головой. «Однако наши души не будут в земле, Майкл. Наши тела...»

Когда мы умираем — наши души отправляются на Небеса. Так что, видите ли, мы никогда по-настоящему не умираем. Это лишь кажется таковым, потому что мы состоим из плоти, а также из нашей бессмертной души, и зачастую мы не можем видеть дальше плоти, которая имеет над нами сильную власть.

«Но, дядя Франсуа, откуда нам знать, что наша душа реальна, если мы её не видим?»

«Нам не нужно это видеть, Майкл. Бог уже сказал нам. Он любит нас и хочет, чтобы мы это видели».

«Будь с Ним».

Мальчик на несколько мгновений замер, словно погрузившись в размышления. «Научишь меня другим словам, чтобы я мог говорить с Богом?»

«Каждый раз, когда вы молитесь, вы обращаетесь к Богу напрямую. Вам не нужны другие слова».

Мальчик покачал головой и непреклонно ответил: «Но я так и делаю, чтобы Он говорил со мной так же, как говорит с тобой! Он никогда не говорит со мной, но тогда я всегда засыпаю».

Блази усмехнулся и постучал мальчика по груди. «Он говорит с тобой в твоём сердце. Ты должен прислушаться к Нему изнутри».

Майкл приложил руку к груди, чтобы почувствовать биение своего сердца. Затем он поднял взгляд и осмотрел крышу конюшни. Наконец, он опустил руку, взглянул на отверстие в стоге сена и повернулся к Блази. «Дядя Франсуа, может ли дьявол причинить нам вред, если мы на небесах?»

Блази расхохотился. «Конечно, нет!»

«Тогда я хочу попасть на небеса и снова увидеть отца и дядю Жака. Можно?»

Блази погладил мальчика по голове и улыбнулся. «Ты хочешь попасть на небеса?»

Мальчик улыбнулся и вскочил на ноги, держа в руках охапки сена и раскинув руки. «Я стану ангелом и у меня будут крылья, чтобы летать очень-очень быстро, чтобы дьявол меня не поймал!» Он оторвался от стога сена и закружился вокруг столба конюшни, изображая полет. Он рассыпал солому позади себя. «Вот так, дядя Франсуа! Видишь, какой я быстрый?»

Он кружился и кружился, кружась в головокружении. Через несколько мгновений Майкл, пошатываясь, упал на землю. С пьяным взглядом и ухмылкой он спросил: «Я же летел быстро, правда? Как ветер?»

«И правда, Майкл, — заверил его Блази. — Ты был таким же быстрым, как ветер, и даже быстрее. А теперь иди и приведи ко мне свою маму».

Вместо этого мальчик опустил взгляд на пол конюшни и сгреб пыль в кучу. Он уставился на кучу земли, и его улыбка исчезла. Затем он неуклюже встал и спросил Блази: «Пусть Бог позволит англичанам попасть на небеса?» Блази искал нужные слова в грязи, а Майкл продолжил: «Потому что, если англичане попадут туда, то и я попаду. Выгнать их — они убили моего отца и дядю Жака, поэтому они не смогут быть с нами».

Он пнул кучу пыли по полу конюшни. Блази уловил в словах мальчика ту же непоколебимую ярость, которую часто слышал в своём собственном измученном сердце. Мальчик топнул ногой по земле там, где в последний раз стояла куча пыли. «А потом дьявол!»

«Они будут топтать их, как букашек, пока у них кости не отвалятся!»

«Майкл! Довольно!» — выплюнул Блази. «Бог не услышит этих слов!» Ребенок посмотрел на Блази так, словно внезапно хотел узнать, где он находится. Блази заметил, что глаза Майкла наполнились слезами, и Кардинал, опустив подбородок, вздохнул, размышляя о злобной ненависти в собственной груди. Блази позвал ребенка. «Иди сюда». Мальчик бросился в объятия Блази. Они молча обнялись, разделяя тихую, затянущуюсь боль, которую не могли сломить ни слова, ни молитва. Обещание может адекватно выражать или облегчать.

Наконец, Блази заговорил, пытаясь утешить мальчика: «У тебя всё ещё есть твоя мать и я. И ты продолжишь род Блази и будешь утешать свою мать множеством детей, таких же замечательных, как ты сам. И да, я научу тебя другим словам, если ты так сильно этого захочешь».

«Я люблю тебя, дядя Франсуа», — пробормотал Майкл, его голос был приглушен шеей Блази .

«Как и ты», — ответил Блази, поглаживая Майкла по голове. «Ты — сын, которого мне никогда не суждено было обрести».

«Есть». Он вздохнул, осторожно оттолкнул мальчика от себя и сунул ему в руку маленького фарфорового коня. «А теперь будь хорошим мальчиком и приведи ко мне маму. Уже поздно».

Мальчик шмыгнул носом, выпрямился и улыбнулся. «Да, дядя Франсуа».

Затем Майкл вытер нос рукавом и выскочил из конюшни. Блази упал назад в сено и, потирая лицо, застонал.

Кардинал взгляделся в сторону входа в конюшни, прислушиваясь к легкому и торопливому шарканью приближающихся шагов. Он выпрямился, когда в загон вошла худая женщина средних лет — Альсае де Блази, вдова Рене де Блази.

«Франсуа!» — воскликнула она, осматривая конюшню и вытирая руки о фартук.

«Вот», — проворчал Блази, помахав рукой.

Она бросилась вперед. «Боже мой, что здесь происходит? Ты ранена?»

«Только павшие», — заявил Блази, протягивая руку. — «И если позволите, я хотел бы выразить своё почтение».

СТАТУСОМ—»

Она подняла его на ноги, жалуясь: «Видишь, что случилось! Ты не можешь ходить. Следи за повязками! Они грязные, и раны снова кровоточат — даже сильнее, чем раньше». Блази лишь улыбнулся и уперся тростью. Он считал Алсае привлекательной, особенно красивой, когда её разозлили.

«Тебе бы лучше отдохнуть! Зачем ты здесь?» — спросил его Альсае. «И Майкл тоже был здесь?»

Блази кивнул в сторону открытых ворот конюшни: «Она снова сбежала».

Альсае посмотрела на пустую кабинку с приоткрытой дверью и с отвращением покачала головой. «Лучше бы нам ее навсегда потеряли. Полагаю, она в конце концов тебя затоптала. Скажи мне с достоинством, почему ты держишь ее здесь? Если скажешь, что она для Майкла, я не возьму ее!» Она ткнула указательным пальцем в сторону кабинки. «Я не хочу, чтобы Майкл был рядом с этим... этим существом! Оно ни на что не похоже».

«По правде говоря, он намного превосходит всех остальных», — защищал коня Блази.

«О?» — она наклонила голову. — «Тогда почему кузнец так стремился обменять одного на другого? Он всю жизнь торговал лошадьми, уверяю вас. Почему человек, который так хорошо знает этих животных, который так опытен в своем деле, мог так стремиться обмануть самого себя?»

Блази вздохнул. «Как я тебе и говорил, Алсае, с его бедром что-то было не так — он был не годен даже для того, чтобы тянуть телегу на дальние расстояния. Возможно, у кузнеца был другой потенциальный покупатель на другого коня, кто-то, кто хотел бы щедро заплатить — можно строить любые предположения».

Альсае саркастически рассмеялась. «Предполагать?» — снова хихикнула она, прежде чем взять себя в руки, уперев руки в бока и повернувшись спиной к закату.

«Кстати, я должен сообщить вам, что сегодня, возвращаясь из пекарни, мне выпала честь поговорить с довольно известным священником из Авиньона. Он держался подобающе — даже дружелюбно — и был хорошо знаком с событиями в Папском дворце». Блази напрягся, опираясь на трость. Он сжал челюсти и оглядел конюшни.

«Он даже о тебе знает», — добавила она.

Прежде чем она окончательно развернулась, Блази схватил ее за руку. «Кто этот священник и что ты ему сказала?»

«Ты делаешь мне больно! Убери руку!» Алсае выдернула руку из его хватки и поправила блузку.

— Простите, — ответил Блази. — Я просто хотел ...

Альсае фыркнула и отвернулась от него. Она скрестила руки и посмотрела на начинающиеся сумерки, которые в этот день необычайно ярко освещали землю, словно небо приближалось с рассветом. «Мы сказали всего несколько слов», — сказала она.

— призналась она, прежде чем повернуться и осмотреть его. Ее взгляд остановился на его перевязанных ногах. — Однако я спросила его о пожаре на дворцовой кухне, и он не смог вспомнить ничего подобного тому, что вы описали. — Она вгляделась в его глаза. Блази поджал губы и закатил глаза. «А если я скажу вам, что не помню, как получил ожоги, разве это заставит исчезнуть мои травмы? Честное слово, Алсае, сомнения одного человека или отсутствие подтверждения не означают вину другого».

— Вы кардинал, — холодно заметил Альсае. — Вам следовало бы лучше понимать, что такое может означать в глазах Бога, не так ли?

Блази строго посмотрела на нее. «Действительно, я должна. И я же говорила тебе, что не хочу, чтобы ты говорила о моем местонахождении, пока я не выздоровею».

Альсае улыбнулся и пожал плечами. «И я этого не делал, как вы и просили».

«Превосходно», — сухо заметил Блази. «Может, попрощаемся?» Он, хромя, направился к... Уверенный вход, но Альсае остановил его за руку всего через несколько шагов.

«Франсуа, есть кое-что, что я должен знать наверняка».

"Что это такое?"

«Как человек Божий — кардинал, между прочим, — и единственный оставшийся в живых дядя моего сына, я должен ожидать, что вы скажете мне правду».

Блази вздохнул, облокотился на трость и посмотрел на потертые места на ее туфлях.

прежде чем взглянуть ей в глаза: «Что случилось?»

— А где, повторяю, вы приобрели этого другого коня? — спросила она, в ее голосе послышался вызов.

«Я же говорил вам — из дворцовых конюшен. Неужели нам придется размышлять над этим вопросом и в течение нашей жизни на земле?»

Альсае напрягла губы и твердо кивнула. «Мы должны». Она отвела взгляд, прежде чем схватиться за руку. Она сжала плечи, выпрямила руки и посмотрела ему в глаза. Она выдавила из себя улыбку. «Я разговаривала с кузнецом несколько дней назад, и он посмеялся надо мной. Он сказал, что с бедром коня все в порядке, и добавил: это был не обычный конь,

Поскольку на нем были неоспоримые признаки — признаки Королевской гвардии Его Величества. Я спрашиваю вас сейчас, Франсуа: как такое может быть?

«Королевская гвардия?» — недоверчиво спросил Блази. «Я забрал коня из папской конюшни». «Это было собственностью Святого Престола». Их взгляды встретились, и между Блази и Альсае вспыхнул взгляд, словно каждый пытался смотреть сквозь другого. Альсае первым отвел взгляд.

«Я поняла, что, возможно, кузнец ошибался, — сказала она. — И все же он рассказал мне, как приказал коню отступить на месте, атаковать и обойти с фланга, а также лечь на бок и лежать неподвижно, как мертвый. Как еще конь может подчиняться таким приказам, если он не обучен бою? И почему конь Святого Престола может быть таким опытным?»

Блази пожал плечами. «Вполне возможно, что этот экземпляр изначально принадлежал к боевому роду, прежде чем попасть в руки Церкви. Мы можем бесконечно размышлять над этим вопросом, так и не придя к решению». «Возможно», — ответил Альсае, ничуть не убежденный.

Выходя из конюшни, Альсае взглядела в далекую опушку леса. «Хорошо. Мы ищем твоего коня на рассвете. Он не убежит далеко». Она взяла Блази за свободную руку и помогла ему добраться до дома.

«Это хорошая лошадь, — прокомментировал Блази. — Дайте ей достаточно времени, чтобы прийти в себя».

«К тебе вернулся аппетит?» — спросила Альсае, явно устав от этой темы.

«Я ужасно голоден», — признался Блази.

«Это именно то, что я хочу услышать. Ваше блюдо будет доверху наполнено, а чаша переполнена, и даже свежий хлеб будет. После обеда вам следует отдохнуть. Мы должны сменить вам повязки и снова сделать вас достойным кардиналом». Она похлопала его по руке и усмехнулась. «Возможно, вы сами станете Папой Римским. И как тогда Михаил будет к вам обращаться?» — спросила она, посмеиваясь. «Как: его дядя Святейшество?» Блази слабо улыбнулся и покачал головой.

Они медленно шли к замку, и в наступившей тишине слышали непрекращающийся вой собаки вдалеке. За ними сумерки окутывали окрестности, и сквозь них...

Тонкие, расплывчатые облака, лишь самые яркие звезды отражались в небе. Остальные были смыты серым пятном, окаймляющим небеса. Вой продолжался, этот зловещий зов и стон намекали на то, что что-то серьезно не так, что, возможно, над горизонтом маячит нечто великое и ужасное, неуклоннодвигающееся вперед, словно крылья на ветру.

~*~

Даже когда Блази уединился в городе Реймсе, отдаленное аббатство Гардиен могло показаться заброшенным полем битвы, окутанным загадочной бойней, а его ландшафт был усеян расчлененными и перемешанными останками солдат, монахов, оруженосцев и коней. С того ужасного вечера, когда Блази удалось открыть второй Камень Ворот, сотни людей лежали разорванные и разбросанные, их обломки были оставлены там, где их в последний раз выпустили летающие статуи аббатской церкви. Разбросанные остатки лежали так плотно. Подверженный воздействию стихии, ветер давно утратил свой зловоние, лишь свистя сквозь выбеленные кости, изорванную одежду и клочки непослушных волос. Склон холма, окружавший аббатство, теперь представлял собой перевернутое кладбище, обращенное вверх дном, и вопиющее оскорбление всего человечества.

Насыпи грязи, созданные капитаном Борном, давно уже вымылись из внешних трещин собора, обеспечив достаточную вентиляцию для едкого чудовища, которое он пытался сдерживать. Внутри церкви и под алтарем продолжали раздаваться стоны и крики вращающейся колонны, не утихающие, несмотря на шеститонный верхний камень, извергавший смертоносный столб дыма. Туман был ночным, повторяющимся туманом, больше похожим на предсказуемый и эфирный ночной туман. Это был не рассеивающийся вечерний туман, а скорее организм. В сумерках он незаметно выбирался из собора и разворачивался на склоне холма, словно катящийся ковер тьмы, настолько темной, что поглощала весь блеск и проблески света на каждой поверхности воды и камня. Туман окутывал землю своей обжигающей пеленой до рассвета, когда неизменно оставлял после себя выжженную землю. И всегда смертоносная завеса отступала вверх по склону холма, окружавшего аббатство, и удалились в собор, чтобы поджидать наступления сумерек. Туман был едва узнаваем как нечто иное, кроме наступления ночи, но, подобно непрекращающейся чуме, он покрывал все большую территорию с каждым прошедшим вечером, неуклонно окутывая французскую сельскую местность. Вслед за ним сорняки и кустарники бурели, целые деревья падали голыми, пруды и ручьи гнили, и все живое — от людей до собак и крыс превращались в блох — подчинив свой живот непрерывному присутствию. В целом, горящий пар, казалось, служил дьявольской линией защиты, образуя постоянно расширяющийся ров. смерть во имя защиты открытого Камня Ворот.

Однако любого заблудшего путника ждало нечто большее, чем просто туман. Когда в аббатстве...

Западный горизонт поглотил последние лучи дневного света, едкий блеск собора прокатился по лесной подстилке, верхние ярусы крыши собора ожили, нарастая хаосом, который обрушился на небеса, словно какофония ворон. Вихревая колонна гранитных статуй спирально устремилась к звездам, и это воздушное чудовище собралось в многочисленные бродячие стаи, которые рыскали по окрестностям, словно стаи крылатых демонов. Они охотились, пожирая любое живое существо, которое находили. Подобно смертоносному туману, с каждым вечером они расширяли свою территорию, подлетая все ближе к населенным деревням и представляя все большую угрозу для близлежащих городов Мюра, Вик-сюр-Сер и Сен-Флур.

Эти воздушные создания на самом деле не были гротесками, ибо плоть гротесков, на которых они были похожи, давно умерла от воздействия солнечного света. Статуи представляли собой лишь гранитные формы их живых подобий, теперь населенные Первородными Дамонами: духами, вырвавшимися из открытого Камня Врат — эфирными и бестелесными Дамонами, которые несколько не напоминали истинную природу Эльджо. Каменистые формы были не чем иным, как одержимыми камнями и воплощением демонов, низвергнутых в Ад в первые дни его сотворения. Эльджо, некогда владевшие этими телами, давно уже окаменели под воздействием солнца. И теперь ими владеют только Дамоны, движущиеся как единое целое под луной, сея ужас во все расширяющемся пространстве затененных земель.

Даже когда всё большее число жителей деревень узнавало о ползущем едком тумане и его печально известных летающих статуях, и находило способы спастись от этих растущих чудовищ, лишь немногие избежали коварных замыслов всемогущего и смертоносного ада. Великая Чума была подобна дракону, поднимающемуся из Чёрного моря, имеющему три раздутые головы и три имени: бубония, пневмония и сепсис. Трехголовое чудовище восседало на чёрной крысе и получило от французов название Чёрная Смерть, а в Это было поистине дьявольское зелье. Даже когда шестьдесят шесть процентов Азии были окутаны зловонным смрадом смерти, жажда Люцифаэля к душам людей была лишь наполовину разбужена. Она хотела, чтобы Он был с ней, навсегда заточенный. Так, в 1347 году, в последние дни октября, под большой луной, Черная смерть обрушилась на канаты корабля «Санта-Годеберта», на корабельные стяжки и на всех жителей Европы. Всего за несколько дней смертоносное зелье Люцифаэля задушило оживленный морской порт Мессина и распространилось вглубь страны, подобно ядовитому морскому бризу.

После того как чума затопила город Мессину, она проложила путь на пятьдесят миль к югу, к городу Катания. Жители немедленно обнаружили, что началась эпидемия, и изолировали свой город; однако, поскольку эпидемия быстро распространилась, этот ответный шаг оказался слишком запоздалым. Катания лопнула, словно спелый волдырь, дав бесчисленные бушели черных яблок под лихорадочными подмышками. И пока город Катания поддавался распространяющейся болезни,

Из-за эпидемии город Венеция побледнел, ежедневно производя шестьсот трупов.

По мере того как венецианские врачи подвергали себя воздействию всё большего числа больных, у восьми из десяти из них прорастали отравленные яблоки, и они тоже умирали. Злой ведьмой был Люцифаил — в общей сложности две трети населения Венеции погибли, а их трупы разложились на солнце.

Бубония, пневмония и сепсис царили, пока Люцифаэль продолжала свою « Жатву черных яблок». Она взмахнула своими трехзубыми вилами и продвинула свои три казни дальше на север, чтобы обрушить их на южно-центральное побережье Европы. Близлежащие острова Сардиния и Корсика рухнула из-за своего гнусного гения, и из двенадцати торговых судов, прибывших в Мессину только для того, чтобы получить приказ покинуть порт, треть в конечном итоге пришвартовалась в порту Генуи. Как и в Мессине, генуэзские портовые чиновники внезапно обнаружили, что корабли заражены Чумой, и сдерживали суда горящими стрелами, прежде чем отдать им приказ Отплыть из гавани. Больные члены экипажа подчинились, взяв курс на морские порты Марсель и Барселону, но перед этим выпустили еще больше своих больных крыс по швартовным тросам на генуэзские причалы. Всего за несколько дней весь город превратился в зловонную мо...

Когда часть расформированного флота прибыла в морской порт Марселя, власти разрешили зараженным кораблям остаться при условии, что все суда и груз будут конфискованы. Зараженные моряки и крысы рассеялись по городу, и менее чем за месяц болезнь Дьяболуса поглотила город. Для жертв, живущих в тесных условиях тюрем и монастырей, огороженные стены превратились в герметичные чаны разложения, поскольку число погибших в них возросло до восьми из десяти, а в некоторых случаях — до полного уничтожения. Некогда процветающий портовый город Марсель затих. Пятнадцать тысяч мужчин, женщин и детей превратились в пепел и пыль.

В начале 1348 года последние потрепанные остатки флота, охваченного Черной смертью, подкрались к причалам Барселоны . Как и в Марселе, портовые власти конфисковали корабли и впустили оскверненный экипаж в свой город. Неуклонно каждая церковь в городе становилась жертвой неумолимой эпидемии. Потоки повозок, запряженных лошадьми, с их огромными грузами трупов. Как и большинство городских чиновников. Они уже были поглощены своими собственными «чёрными яблоками», и гражданский порядок сдался первобытному хаосу. В одном из самых примечательных случаев сотни барселонцев, убеждённые, что мир переживает свой последний час, собрались на кладбищах, развлекаясь мрачными празднованиями и пьяными оргиями в честь Дня мёртвых. Вместе они грешили, умирали и гнили на могилах более удачливых родственников, избежавших ужасной пандемии, умерев до её начала. Из-за отсутствия места на кладбищах , отсутствия живых священников для освящения дополнительной святой земли для захоронения и, собственно, малого числа людей, готовых хоронить заражённых, те, кто собирал трупы, начали катить свои повозки к океану, оставляя свои раздутые туши среди бесчисленных тел.

уже разлились о берег. С каждым часом в море сбрасывали все больше человеческих останков; а вечерние внутренние бризы города становились настолько отвратительными, что даже мимолетный вдох ночного воздуха неизменно вызывал сильную тошноту у всех, кто еще не заболел от других воздействий. Во всех направлениях воздух, зен Море было покрыто неизмеримо гнилостным налетом.

Чума распространилась вглубь страны из итальянских портовых городов, полностью опустошив крупные города Пизу, Рим и Неаполь. Многие местные жители считали, что виной тому злое библейское пророчество — что Бог разгневан на них. А более образованные из них предполагали, что виновником нынешней пандемии стало сильное землетрясение, поскольку оно произошло всего за год до этого и стало незабываемым потрясением, охватившим весь итальянский полуостров от Венеции до Неаполя. Они считали, что после него ядовитые пары вышли из-под земли и распространились по суше, впитываясь в кожу. В результате многие горожане избегали тяжелой работы, вызывающей потоотделение или повреждение кожи, а другие обмазывались мочой, пытаясь защититься от предполагаемых смертельных паров. Большинство тех, кто не покинул города, оставались в своих домах, избегая контакта с сотнями трупов, заполнивших улицы. А те, кто осмеливался выйти на улицу, делали это, полностью обмотав головы тканью, оставляя лишь тонкую щель между глазами. Они закрывали лица букетами цветов и пряностями, Испарения гниющей плоти и тщетная попытка предотвратить вездесущую заразу, которая теперь нависла над всем регионом.

По мере того как люди массово покидали зараженные прибрежные города и начиналась массовая миграция вглубь страны, чума проникала еще глубже в Европу. Когда это чудовище добралось до Милана, его жители в спешке выявляли зараженных, замуровывая целые семьи в своих домах и поджигая их. Хотя городские власти немедленно оцепили город, Милан тоже пал жертвой.

Во Флоренции городские власти не нашли иного выхода, кроме как ввести постановление, которое заглушило монотонный звон церковных колоколов. Они установили строгие ограничения на количество скорбящих, разрешив присутствие только двух посетителей на любых похоронах, что обеспечивало достаточную свободу передвижения для многочисленных бригад кладбищных рабочих. По мере распространения инфекции и заполнения кладбищ мертвыми, город перешел к захоронениям в траншеях. Могильщики складывали три или более тел между разбросанными слоями земли.

Возможно, землекопы лучше всех следили за временем, отмечая свой график номерами захороненных трупов. Пока одни рабочие засыпали тела в канавах, другие

Раскапывали все более длинные концы траншей. Недели шествие Смерти продолжалось, словно исправный ход часов. С каждым часом к траншеям прибывали телеги с десятью и двадцатью трупами. В конце концов, самые оживленные дороги Флоренции превратились в, казалось бы, непроходимые колеи из высохшей грязи, ведущие в никуда, кроме как в Канавы Смерти.

Вскоре после этого пал Марсель, Арль, а затем и Авиньон, где находился папский дворец и резиденция главы Святого Престола. Авиньон, с его плотной застройкой, насчитывавшей сорок восемь тысяч жителей, проживавших внутри крепостных стен, пал быстрее, чем любой другой город. Проповедники конца света заполнили улицы, призывая всех к покаянию. В своем извращенном приверженстве, казалось бы, неизбежному злу, многие из них обосновались на углах улиц, превратив их в личные кафедры, где делились своими историями и пророчествами о конце человечества. Они призывали собравшиеся массы и больных стать свидетелями их громогласных проповедей, и таким образом их пророчества самосбывались — самые громкие из них выращивали черные яблоки и замолкали.

За короткий промежуток времени, всего за несколько месяцев, со скоростью четыреста смертей в день, Авиньон отдал половину своего населения на произвол судьбы. Подобно проповедникам конца света, кричащим с улиц, большинство жителей города были уверены, что на них обрушился гнев Божий — что Великая чума была божественным наказанием за их вавилонский образ жизни, за их разврат и грех. Они молились, обещали и умоляли... Однако число погибших продолжало расти. Отчаявшийся папа Климент разбрызгал свое освященное масло и освятил всю реку Рону как святую землю, и таким образом, когда огромная река стала удобным и освященным местом для погребения, могильщики Авиньона отвозили жертв чумы к центру моста Святого Бенезета и сбрасывали их с него.

Злобное зелье Люцифаэля поразило и сердце Святого Престола, и девять кардиналов и половина священников Авиньона были похоронены. Однако чума не смогла отнять жизнь назначенного ими Святого Отца на земле, поскольку Папа Климент бежал из папского дворца под покровом тьмы, укрываемый тайно назначенным собранием стражников и врачей. Умиравшие высокопоставленные лица и больные дворяне, цеплявшиеся за дворец, остались в нем. Они молили о папском отпущении грехов и последних обрядах для Климента, не подозревая, что он покинул город несколькими днями ранее. А когда они узнали о его побеге, им сказали, что он перебрался в северный город Валенс, но на самом деле Климент Он уединился в более отдаленной и уединенной альпийской деревне Гренобль, поселившись между двумя постоянно горящими каминами и в кругу избранных врачей во главе с Ги де Шолиаком. Помимо умения хранить секреты внутри папства, он был искусным...

Врач и личный фаворит Климента — выдающийся французский врач, который регулярно лечил Климента и нескольких его кардиналов. Поскольку его насущные потребности удовлетворялись, Климент управлял Святым Престолом дистанционно, посредством письменной переписки с кардиналом Фирмусом, который оставался в папском дворце, чтобы обеспечивать выполнение указаний Папы .

Весна 1348 года наступила необычно рано, принесла с собой знойное лето и волну смертей. Париж быстро пал под натиском Черной смерти, ежедневно погибало более восьмисот туш, а воздух на протяжении почти десяти миль был пропитан непрекращающимся зловонием. Подобно папе Клименту, король Филипп скрывался, доверяя свое истинное местонахождение лишь нескольким ближайшим соратникам. Капитан Борн, командовавший тогда новыми рядами Королевской гвардии, был одним из них. Как Ги де Шолиак пользовался большим доверием в папском дворце и среди папских чинов, так и Борн пользовался доверием в стенах дворца монархии короля Филиппа .

После упадка и падения Парижа крупные французские города Лион, Бордо, Орлеан и Реймс также пришли в упадок, а вместе с ними рухнули и королевская власть, и руководство этих городов. Вассалы короля и целые поколения знати лежали грудками в общих могилах, а их нищие слуги были оставлены гнить вдоль дорог. Ни одна дорога или река не была свободна от трупов, и всевозможные беспилотные суда бесцельно дрейфовали по водным путям. Особенно после сильных дождей сотни раздутых тел плыли по рекам и ручьям, трупы были так плотно переплетены, что образовывали плавающие острова из плоти. Подобно нимбам смерти, белые кольца пены окружали почерневшие груды трупов, а на многих из этих плотов из трупов парили белые длинноногие птицы, щелкая клювами по обильной добыче. насекомые, которых поставляли протухшие флотилии. Смерть использовала множество способов для своего неуклонного распространения.

Недалеко от города Бордо, узко расположенные опоры моста Дюгуат, по которому часто ходили люди, овцы, волы и кони, стояли, словно трупная сеть, собирая у своих оснований пропитанные водой останки людей, овец, волов и коней. Глаза путников, осмелившихся перейти мост, опускались, обожженные парами кипящей пены внизу. Большинство животных, приближавшихся к мосту, сопротивлялись переправе через реку, опасаясь, что их подгонят силой, и многие из них не добивались до противоположной стороны переправы, прежде чем перепрыгнуть через стену с противоположной стороны , запутавшись в бродящей жиже внизу и став дополнительным топливом для ее пены. Дороги и реки, города и поселения, короли и королевства — земля умирала. От ее гнилостных и поднимающихся паров воняло даже высочайшие небеса.

А Люцифаэль всё это время злорадствовал, наблюдая за тем, что она сотворила.

[Конец главы 11]

Это литературное произведение было создано

d исключительно в посвящении

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.gothicnovel.org)~